

ГЛАВА IX

«...ФОРСИРОВАНИЕ ЛА-МАНША... БЛЕСТЯЩИЙ УСПЕХ НАШИХ СОЮЗНИКОВ»

Тегеранская конференция во многом способствовала сближению между Сталиным и Рузвельтом. Это имело очень важное значение для всего процесса функционирования антигитлеровской коалиции, принимая во внимание всевластие Сталина в Советском Союзе и огромные полномочия президента Соединенных Штатов, учитывая колоссальный военно-экономический потенциал двух стран, их определяющий вклад в борьбу против Германии и ее союзников.

Рузвельт внес нечто новое в политическую жизнь США. 12 марта 1933 г. он выступил с речью по радио — началась знаменитая серия «Бесед у камина», закончившаяся 6 января 1945 г. последним выступлением президента по радио — «Трудовой фронт. Будущее устройство мира».

Рузвельт был блестящим оратором. Его выступления не отличались какими-либо ораторскими эффектами, броскими, образными сравнениями. Но он обладал более важными способностями, президент находил слова, интонации близкие и понятные миллионам людей. В этом была сила его воздействия на самые широкие массы американцев. Тем более что радиоприемники были практически во всех американских семьях.

24 декабря 1943 г., продолжая серию своих «Бесед у камина», Рузвельт поздравил американцев с Рождеством и посвятил свою речь итогам Конференций в Каире и Тегеране. Президент сказал, что эти две Конференции дали ему возможность «встретиться и говорить с двумя непобедимыми военными руководителями: генералиссимусом Чан Кайши и маршалом Сталиным». Конференции в Каире и Тегеране, сказал президент, планировались как встречи за одним столом лицом к лицу, «однако скоро выяснилось, что мы

находимся, так сказать, по одну сторону стола». Рузвельт подтверждал этот вывод тем, что участники Тегеранской конференции «пришли к согласию по всем пунктам относительно начала огромного по своим масштабам наступления на Германию».

Особенно теплые слова президент произнес в адрес Сталина: «Выражаясь простым языком, я отлично поладил с маршалом Сталиным. Этот человек сочетает в себе огромную, непреклонную волю и здоровое чувство юмора; думаю, душа и сердце России имеют в нем своего истинного представителя. Я верю, что мы и впредь будем отлично ладить и с ним, и со всем русским народом»¹.

Президент проинформировал радиослушателей о том, что «русская армия продолжит свои упорные наступательные операции»².

Оптимистический прогноз Рузвельта не оправдался. Пройдет немного времени после окончания войны, и воспоминания о советско-американском сотрудничестве военного периода будут развеяны ледяными ветрами холодной войны.

Тегеранскую конференцию и открытие второго фронта — высадку союзников в Нормандии 6 июня 1944 г. разделяли полгода.

Это был период мощных наступательных операций Красной Армии. В январе — феврале 1944 г. немцы были разбиты под Ленинградом и Новгородом. В результате этой операции многострадальный Ленинград был полностью освобожден от блокады. Оккупанты были выбиты из Ленинградской и Калининской областей.

В январе — апреле прошла мощная наступательная операция на Правобережной Украине, в районе Корсунь-Шевченковского, Кривого Рога и Никополя. Наступление Красной Армии привело к освобождению Правобережной Украины. Советские войска перешли Государственную границу СССР и вступили на территорию Румынии.

В апреле — мае 1944 года были освобождены Крым и Одесса.

Практически без паузы началась летне-осенняя наступательная кампания. Была разгромлена Финляндия, которая вышла из войны 19 сентября. В июне — августе успешно завершилась крупнейшая наступательная операция Красной Армии за период войны — разгром немецких войск в Белоруссии, приведшая к полному освобождению территории этой республики и значительной части Польши и Литвы. Форсировав Неман, советские вооруженные силы подошли к границам Германии.

В июле — августе Красная Армия завершила освобождение Западной Украины. В ходе летних наступательных операций в районе Кишинев-Яссы были разгромлены объединенные вооруженные силы Германии и Румынии. Финалом этой операции было подписание в Москве 12 сентября соглашения о перемирии между Румынией и стра-

нами антигитлеровской коалиции. Началось освобождение Прибалтики, в июле — октябре немцы были разбиты под Таллином и Ригой.

Исключительно высоко оценивал летнее наступление Красной Армии Черчилль. Он писал, что летняя кампания Красной Армии дала блестящие результаты³.

В октябре Красная Армия разгромила немецкие и венгерские войска между Тиссой и Дунаем. 20 января 1945 г. было подписано соглашение о перемирии между союзными государствами и Венгрией.

Сталин информировал в Тегеране Рузвельта и Черчилля о том, что Красная Армия поддержит высадку союзников во Франции мощными наступательными операциями на советско-германском фронте. И это обещание последовательно претворялось в жизнь.

Успешные действия Красной Армии создали совершенно новую расстановку не только военных, но и политических сил.

Общественность союзных стран не была информирована о деталях соглашения, достигнутого в Тегеране относительно сроков и масштабов англо-американской операции по открытию второго фронта.

Поэтому англичан и американцев во всевозрастающей степени беспокоил вопрос о реакции Советского Союза на срыв сроков открытия второго фронта. Это беспокойство было оправданным, т.к. и после операции союзников в Северной Африке подавляющее большинство немецких дивизий по-прежнему оставалось на советско-германском фронте. Американская газета писала, что «русские вносили особенно большой вклад в окончательную победу, убивая немцев, которые бы, оставшись в живых, убивали бы американцев и британцев».

Газета отмечала: «Недовольство России отсутствием второго фронта в Западной Европе... вполне понятно, Сталин очень хотел бы, чтобы союзники нанесли удар непосредственно по самой Германии, что привело бы к выводу немецких дивизий с русского фронта на западный»⁴.

Успешные боевые операции союзников в Северной Африке, на Сицилии и в Италии свидетельствовали о том, что лед наконец тронулся. Огромная военная машина союзников сдвинулась с места и стала набирать обороты. Впереди были решающие бои, и в этих условиях важное значение приобретал вопрос о координации действий СССР и его западных союзников, оценка реального вклада каждой страны в общее дело победы, отношение к политическим требованиям партнеров по будущей победе.

Эти проблемы находили свое отражение и в прессе. Канзасская газета писала: «Вне зависимости от того, какое мнение мы можем иметь о русской политической системе, мы обязаны признать, что Россия внесла огромный вклад в разгром Германии. Ее людские поте-

ри почти равны всей численности американской армии. Она уничтожила и вывела из строя миллионы немецких солдат, которые могли бы сражаться против американцев и британцев. Ее армия, пожалуй, лучшая в мире, и она вырастила великих военачальников. Россия закончит войну, обладая самой мощной армией на континенте».

Заглядывая в уже недалекую перспективу мирной Европы, газета заявляла: «Россия получила право высказывать свою точку зрения, и она обладает достаточной силой, чтоб к ее мнению было проявлено уважение и внимание»⁵.

Война принимала явно затяжной характер. Американцы не испытывали сколь-нибудь серьезных тягот, связанных с войной, но все же миллионы родных и близких были призваны в вооруженные силы, оторваны от семьи. Американцы воевали на Тихом океане, в Северной Африке, на Сицилии, в Италии, готовилось открытие второго фронта. Был нарушен весь привычный ритм жизни. Коротче, война есть война, и все чаще рядовые американцы ставили вопрос о том, каковы перспективы на мир. Канзасская газета заявляла: «Люди продолжают спрашивать: “Как долго будет продолжаться война?” Газета отмечала, что те, кто рассчитывает на окончание войны в течение нескольких ближайших месяцев, «становятся все более пессимистичными. За пределами России не происходит ничего, что свидетельствовало бы о возможности уничтожения гитлеровских армий в течение следующих нескольких месяцев»⁶.

Аналогичные настроения были и в Англии, с той существенной поправкой, что Великобритания воевала уже почти пять лет и усталость от войны сказывалась в этой стране в несравненно большей степени, чем в Соединенных Штатах.

Второй фронт все еще не был открыт, и Черчиллю не оставалось ничего другого, как возносить хвалу Красной Армии и ее Главнокомандующему.

26 марта 1944 года ТАСС сообщил из Лондона, что в своей речи по радио премьер-министр заявил, что английский и американский народы полны искреннего восхищения по поводу военных триумфов русского народа. Я, говорил Черчилль, неоднократно воздавал должное его великолепным деяниям, и сейчас я должен сказать вам, что продвижение их армий от Сталинграда до Днестра, когда русские уже подходят к Пруту, покрыв за один год расстояние в 900 миль, представляет собой величайшую причину краха Гитлера.

С тех пор, как я обращался к вам в последний раз, продолжал премьер-министр, захватчики-гунны не только изгнаны с опустошенной ими земли, но дух германской армии в значительной мере сломлен благодаря русской доблести и военному руководству.

Черчилль произнес настоящую здравицу в честь Сталина: «Народам России повезло, — сказал премьер-министр, — что в час своего величайшего и серьезнейшего испытания они нашли воина и вождя маршала Сталина, авторитет которого позволил ему координировать и контролировать движение армий, численность которых определялась миллионами, на фронте протяженностью почти в 2 тысячи миль и обеспечивать единство и согласованность военного руководства, что было весьма ценно для Советской России и для всех ее союзников»⁷.

Многочисленные внешние признаки свидетельствовали о том, что открытие второго фронта приближается.

6 мая 1944 г., ровно за месяц до форсирования Ла-Манша, американская газета писала: «Усилия по ведению войны не будут ослабевать, и можно быть уверенным, что нынешняя пауза перед бурей — последняя». Макс Вернер, автор этой статьи, высказывал свое мнение о необходимости нанести на Западе мощный и постоянно усиливающийся удар: «Чтобы обеспечить дальнейшую успешную высадку войск, создать расширяющийся фронт, прорвать немецкие позиции, мы должны нанести концентрированный и постоянно наращиваемый удар».

В статье подчеркивалась важность совместных синхронных операций на Западном и Восточном фронтах с целью не дать возможности противнику маневрировать резервами: «Наиболее важный стратегический аспект вторжения — удастся ли вермахту (и если да, то как) пополнить резервы для обороны Запада? Нет сомнений, что германское Верховное командование передвинуло недавно часть сил на Восточный фронт». Несколько из этих дивизий были переброшены из Западной Европы «четыре — шесть недель назад»⁸.

Приближавшаяся высадка союзников в Западной Европе заставляла общественность союзных стран по-новому оценить складывавшуюся военно-политическую ситуацию на фронте совместной борьбы с фашистской Германией.

Американский обозреватель Макс Вернер писал 4 марта 1944 г., что операции на Западном фронте будут во многом зависеть от положения на советско-германском фронте, где ситуация для немцев создавалась очень сложная: «Немецкое Верховное командование оставило уже все надежды на возможность наступления в России. Оно даже и не мечтает о том, чтобы сломить силу Красной Армии»⁹.

В канун открытия второго фронта пресса союзных стран отмечала большие успехи Красной Армии по освобождению оккупированной советской территории. По ее подсчетам, за период с 23 февраля 1943 по 23 февраля 1944 г. Красная Армия освободила 3/4 советской территории, захваченной немцами.

В союзных странах с нетерпением ожидали свершения крупнейшего события Второй мировой войны — открытия второго фронта. «День вторжения в Западную Европу, — писала 1 мая 1944 г. «Канзас-Сити стар», — приближается. Учитывая огромные подготовительные мероприятия, которые уже осуществлены, немцы ожидают его в течение нескольких ближайших недель».

На протяжении всего периода после нападения Германии на Советский Союз американцы и англичане самой различной политической ориентации отмечали, что эффективный военно-политический союз с СССР — важнейшая гарантия победы над общим противником. Когда стало очевидно, что открытие второго фронта — вопрос нескольких недель, а может быть и дней, общественность союзных стран обращала внимание на необходимость координации военных усилий между западными союзниками и СССР.

Эта сторона проблемы находила свое отражение на страницах печати. «Очевидно, — писала 1 мая 1944 г. канзасская газета, — союзнические операции (на континенте. — *Р.И.*) будут скоординированы с Россией. Можно предположить, что Сталин в деталях информирован о наших планах и усилит в полную меру давление на Восточном фронте с тем, чтобы Германия вынуждена была одновременно вести две большие войны и не имела бы возможности перебрасывать дивизии с одного фронта на другой». Спустя два дня эта же газета отмечала: «Бесспорно, что, когда наступит время для мощного удара на Западе, Россия ударит с использованием всех средств, которыми она располагает на Востоке»¹⁰.

Если общественность союзных стран волновали проблемы открытия второго фронта, то политиканы и в эти решающие дни Второй мировой войны использовали любую возможность, чтобы обострить отношения между СССР и союзниками. И в центре их внимания, как и на протяжении всей войны, оставалась фигура Сталина.

Херстовские газеты, в том числе «Дейли миррор», поместили на первых страницах заявление американского газетного магната Херста, написанное им в ответ на статью Заславского, незадолго до этого опубликованную в Москве. В заявлении говорилось: «Маршал Сталин в своей контролируемой прессе называет меня журналистом-гангстером и другом Гитлера. Эти обвинения имеют свою занимательную сторону, так как они исходят от джентльмена, руководящего коммунистической прессой — единственной известной мне гангстерской прессой».

В полемике со Сталиным Херст использовал самый популярный у всех противников СССР факт — советско-германский пакт 1939 г.

Херст вопрошал: «Разве уважаемый маршал Сталин не был до самого недавнего времени любимым другом Гитлера, его соучастником в нападении на Прибалтику, в насилии над Финляндией и ее партнером, в ограблении Польши? Разве добрый маршал — хотя после разрыва со своим другом Гитлером он принимает вид воплощения высшей чистоты и честности — не пытается по-прежнему похитить Финляндию, поглотить Прибалтику и снова совершить насилие над Польшей. Леопард остается при своих пятнах, хотя бы его и покинул бывший товарищ по охоте и дражайший друг»¹¹.

На последний аргумент Херста что-либо возразить было трудно. И не случайно, что на протяжении всего периода участия СССР в войне антисоветские элементы в зарубежных странах при каждом удобном случае напоминали советскому руководству и лично Сталину о его флирте с Гитлером в 1939—1941 гг.

Любая крупная война всегда имеет свое пропагандистское обеспечение. Тем более это было характерно для Второй мировой войны — самого политизированного в мировой истории военного конфликта.

Сталин был военным, государственным, политическим руководителем СССР фактически с неограниченными полномочиями. И естественно, что его фигура оказывалась в центре политического, идеологического противоборства, сопровождавшего войну.

Приемы в этой пропагандистской борьбе были самые разнообразные, зачастую очень неожиданные. Так, например, неоднократно муссировались слухи о тяжелой болезни Сталина и даже о его смерти.

Объяснялось это, очевидно, не только стремлением соответствующих кругов выдавать желаемое за действительное. На Сталине в СССР замыкалось все военное и государственное руководство. И если поступает информация, что такой человек тяжело болен или даже скончался, то это резко дезорганизует одних и вселяет надежду и энтузиазм в других. Именно этим объяснялся тот факт, что на протяжении войны неоднократно появлялась информация о тяжелой болезни и даже смерти Сталина.

Впрочем, сообщения о смерти Сталина нередко воспринимались и с юмором.

В конце марта 1944 г. Германское информационное бюро сообщило, что на пресс-конференции в Берлине, проведенной одним из руководителей пропагандистской службы Германии доктором Шмидтом, был задан вопрос относительно идущих из Стокгольма слухов о том, что 12 марта Сталин внезапно скончался. Доктор Шмидт при веселом оживлении зала привел немецкую поговорку: «О ком часто говорят, что он умер, — живет долго». Впрочем, до-

бавил он, не исключено, что Кремль подготавливает чудо для того, чтобы причислить воскресшего Сталина к лику святых. Один корреспондент, комментируя эту реплику, сказал, что при мнимой смерти бывает только мнимая святость. На этом конференция, при веселом оживлении зала, закрылась»¹².

28 марта 1944 г. Берлин вновь вернулся к вопросу о состоянии здоровья Сталина. На этот раз ссылка тоже делалась на Стокгольм. И, очевидно, не без оснований — апеллировать к мнению нейтрального Стокгольма было более убедительно, чем ссылаться на столицу какой-либо воюющей страны.

На этот раз речь шла о серьезной болезни Сталина. В сообщении говорилось, что в конце февраля или в начале марта во время своей обычной ночной работы Сталин потерял сознание и упал, к ужасу дежурного секретаря, возле своего стола. Немедленно вызванные врачи установили, что обморок произошел вследствие переутомления. Сталин поправился после припадка лишь через несколько дней. Предполагают, что с ним был легкий удар, ибо сперва Сталин потерял речь.

В сообщении говорилось, что на экстренном заседании Политбюро царило почти паническое настроение, пока из Ленинграда не прибыл Жданов и не было решено сохранять случившееся в тайне и немедленно назначить заместителя Сталина на его посту Верховного главнокомандующего Красной Армией. Именно в этой связи следует рассматривать назначение Жукова.

После того как Сталин оправился от удара, отмечалось в сообщении, врачи настоятельно рекомендовали ему несколько месяцев отдыха, однако Сталин отклонил это предложение, ссылаясь на современную обстановку. Ворошилову Сталин будто бы заявил, что в связи с состоянием его здоровья, учитывая мнение врачей, что удар может повториться, он придает особенное значение самому быстрому продвижению Красной Армии.

Все эти сведения, говорилось в заключение информации, были получены иностранными журналистами Стокгольма из советских кругов Лондона, которые непрерывно поддерживают личный контакт с Кремлем.

Очевидно, придавая особое значение этому сообщению, шедшему под грифом «Секретно», оно было отпечатано только в трех экземплярах — Сталину, Молотову и «в дело»¹³.

Сенсационная информация о тяжелой болезни Сталина нашла своих адресатов.

30 марта 1944 г. из Нью-Йорка поступила информация, что «Нью-Йорк геральд трибюн» опубликовала сообщение о болезни

Сталина на второй странице под заголовком «Нацисты говорят, что Сталин болен. Красные армии продвигаются быстро, так что премьер может отдохнуть». Аналогичная информация была дана в газетах «Вашингтон пост» и «Сан»¹⁴.

Сообщения о болезни Сталина широко обсуждались в Финляндии, готовившейся выйти из войны и проявлявшей вполне понятный интерес к вопросу о том, с кем придется вести в СССР переговоры о мире. «Суомен сосиалидемократти» 30 марта 1944 г. писала: «Главной темой разговоров сегодня является, конечно, болезнь Сталина. Со стороны советского правительства на этот счет никаких опровержений не последовало», но даже если бы они были опубликованы, это ничего не могло бы доказать. Когда Ленин заболел, отмечалось в газете, русские власти старались как можно дольше держать это в секрете. Но все же весь мир узнал об этом. Конечно, везде теперь будут строить догадки о том, кто будет на месте Сталина. Будет ли его преемником старый враг Финляндии Жданов или другой наш враг Молотов?»¹⁵

Слухи о болезни и даже смерти Сталина продолжали нарастать, и 28 апреля 1944 г. под грифом «Сов. секретно» под заголовком «Антисоветская болтовня газеты "Гетеборгс Моргонпост" ТАСС сообщал, что главный редактор шведской газеты «Гетеборгс моргонпост» Неандер Нильсон писал: «В Хельсинки рассказывают, что Сталин умер. Выступающий теперь в Москве актер, загримированный под Сталина, является уже третьим, разыгрывающим эту роль. Трудно сказать, является ли этот миф продуктом воображения народа или очередным слухом. Те, кто не хотят верить, что Сталин умер, во всяком случае располагают сведениями о том, что он тяжело болен».

Ведь нужно, писал Н. Нильсон, чтобы откуда-нибудь появилось то чудо, которое должно спасти Финляндию и в которое все верят. Когда Паасикиви при последнем посещении Москвы прощался со Сталиным, то Сталин горячо пожал его руку и пожелал Финляндии всего хорошего.

По мнению автора, это обстоятельство служило доказательством того, что между Сталиным и русским Генеральным штабом имеются значительные разногласия. «Говорят, что Сталин не прочь был бы дать финнам приемлемые условия перемирия. Русские генералы, сильно скомпрометировавшие свой престиж в борьбе против немцев, выступают против этого».

ТАСС, комментируя сообщение «Гетеборгс моргонпост», писал, что эта, как и многие другие статьи главного редактора «Гетеборгс моргонпост» Неандера Нильсона, вернувшегося из Финляндии в со-

ставе делегации шведских журналистов, является явной гитлеровской пропагандой в Швеции. Одновременно уместно сказать, говорилось в комментарии, что почти все 14 журналистов, входивших в состав делегации, в значительной мере скомпрометированы своей профашистской, если даже не открыто фашистской ориентацией¹⁶.

В этой информации обращало на себя внимание указание на конфликт между Сталиным и Генеральным штабом. Автор этого сообщения, очевидно, был очень плохо информирован о традициях и порядках в советской иерархии. Власть Сталина везде и на всех уровнях была беспрекословна. Тем более это касалось военной сферы в условиях войны, когда субординация соблюдалась жесточайшим образом, а слово Главнокомандующего было законом и последней инстанцией.

Вопрос о состоянии здоровья Сталина затрагивался и в переписке Черчилля с Рузвельтом. 29 сентября 1944 г. премьер-министр писал президенту: «Д.Д.* держал себя очень свободно и дружелюбно в беседе, состоявшейся у него на днях с Авереллом (Гарриманом, послом США в СССР. — *Р.И.*) и Кларком Керром (послом Англии в СССР. — *Р.И.*). Но он “жаловался на свое здоровье”. Он сказал, что нигде не чувствует себя хорошо, кроме Москвы, и его врачи не рекомендуют ему летать. Даже посещение фронта было ему во вред, а после Тегерана он пришел в себя только через две недели и т.п.»¹⁷

Пресса всех стран мира писала о том, что открытие второго фронта неумолимо приближается. Для Германии это означало начало конца Третьего рейха. В этих условиях пропаганда стран фашистского блока резко активизировала свою деятельность, направленную на раскол союзников и на дискредитацию Сталина. Аналогичного курса придерживалась и антисоветская пресса союзных стран.

Антисоветски настроенные круги в этих странах всемерно стремились обострить отношения между Сталиным и его союзниками по антигитлеровской коалиции. Особенно целенаправленно работала в этом направлении консервативная пресса США.

8 апреля 1944 г. радио Будапешта передало, что американская газета «Нью-Йорк пост» писала, что США теряют свою руководящую роль. Несомненно, отмечала газета, что Сталин надевает на себя тогу, которую Рузвельт спустил со своих плеч. «Не подлежит никакому сомнению, — говорилось в заключение передачи, — что в оркестре союзников Сталин играет не только первую скрипку,

* В переписке между собой Черчилль и Рузвельт называли Сталина «Дядюшка Джо» (Д.Д.). Когда они проинформировали советского руководителя об этом, он не смог скрыть определенной обиды.

но и является дирижером. Англия и США вынуждены играть так, как хочет Сталин — этот большевистский дирижер»¹⁸.

Показательно, что на информацию американской газеты, направленную на раскол союзников, незамедлительно откликнулся один из самых стойких союзников Германии — Венгрия.

В той же передаче радио Будапешта сообщалось, что в Англии прошла серия забастовок. Английское правительство вынуждено было предпринять меры против бастующих, однако оно хочет эти меры осуществить так, чтобы не обидеть Москву. Поэтому английское правительство дало указание печати комментировать эти забастовки таким образом, что выступления рабочих якобы организованы троцкистской группой русских коммунистов. «Действуя против троцкистов, — говорилось в передаче, — английское правительство хочет угодить Сталину».

В заключение передачи радио Будапешта давалось сообщение, свидетельствовавшее о том, что вся приведенная информация вышла из ведомства Геббельса. Ведущий сообщил, что подчинение англосаксов Советскому Союзу проявляется не только в текущих, но и в более крупных политических вопросах. По мнению имперского министра иностранных дел фон Риббентропа, следование в фарватере политики Советского Союза характерно и для Черчилля с Иденом, и для Рузвельта с Хэллом¹⁹.

Расчет немецкой пропаганды был прост до примитивизма: сыграть на самолюбии англичан и американцев, громогласно объявив на весь мир, что они подчиняются советскому диктату во внешней политике.

Антисталинские публикации на Западе были различны по своей форме и содержанию. Что же касается немецкой пропаганды, то для дискредитации советского руководителя она широко использовала характерный для немецких расистов вопрос — происхождение Сталина. Когда немецкая пропаганда хотела кого-либо дискредитировать, она объявляла, что объект ее внимания еврей или имеет примесь еврейской крови.

По мнению фашистских расистов, принадлежность к евреям является свидетельством самой негативной оценки любого человека, тем более руководителя государства.

Не избежал участи быть приобщенным к евреям и Сталин. 5 мая 1944 г. Германское информационное бюро передало, что газета «Фелькишер беобахтер» опубликовала статью «Сталин и евреи». Автор статьи, заместитель руководителя имперской печати Зюндерман, усомнился в грузинском происхождении Сталина. В статье говорилось: «Мать (Сталина. — *Р.И.*) была осетинкой, т.е. иранской националь-

ности. Однако имеются сведения, что она была внебрачной дочерью еврея — торговца готовым платьем из горного района Кутаиси».

Ссылаясь на мнение меньшевика, находившегося со Сталиным в ссылке и позднее бежавшего из СССР, Зюндерман писал о наружности Сталина в период ссылки: «Так как он, подобно многим его землякам, наружностью был похож на еврея и по-русски говорил с акцентом, напоминающим семитский акцент, солдаты, охранявшие нас, принимая его за еврея, нередко смеялись и издевались над ним. В таких случаях его смуглое лицо бледнело, черные глаза его сверкали и кулаки сжимались. А потом он сразу подавлял кипевшую в нем ярость и успокаивался, по крайней мере внешне».

Автор статьи ставил вопрос: почему Сталин сделал такую блестящую карьеру? Ведь до смерти Ленина «Сталин оставался рядовой фигурой, одним из многих в кругу... вождей большевизма, которые почти сплошь были евреями». Ответ тот же — все дело в еврейском происхождении Сталина, который получил поддержку других евреев — руководителей партии.

Автор подчеркивал, что «личность Иосифа Виссарионовича Джугашвили... не наделена природой какими-либо выдающимися, а тем более гениальными качествами». В подтверждение этого тезиса Зюндерман ссылался на мнение Уиллки: «Один из самых ярых поклонников Сталина, пресловутый американец Уиллки, только и мог констатировать, что, беседуя в течение многих часов со Сталиным, он не мог ничего прочесть на его лице»²⁰.

В данном случае автор явно дезинформировал читателей. Уиллки, как видно из вышеприведенных его оценок Сталина, был исключительно высокого мнения о советском руководителе.

По оценкам Зюндермана, Сталин выглядел, как стопроцентная посредственность. И невольно у читателя его статьи возникал вопрос, почему же тогда Сталин, как пишет Зюндерман, стал «диктатором Советского Союза, фигурой, перед которой пресмыкаются Британская мировая империя и Соединенные Штаты Америки»? В Кремле, заявлял автор, «сосредоточены нити, которые управляют тысячами марионеток во всем мире, а министры в Белом доме и на Даунинг-стрит чрезвычайно встревожены каждый раз, когда их дипломаты сообщают о том, что Сталин чем-нибудь недоволен». Эти вопросы оставались в статье без ответа.

И в данном случае ставка делалась на то, чтобы сыграть на самолюбии лидеров Англии и США путем подчеркивания превосходства Сталина над ними.

Это был лейтмотив немецкой пропаганды — расколоть союзников, противопоставить Сталина Черчиллю и Рузвельту.

Красная Армия стремительно наступала. Позади были Сталинградская битва, разгром немцев под Курском, становилась все более очевидной скорая высадка союзников в Европе. И тем не менее с характерным для немцев педантизмом пропагандистская машина Германии действовала по старому шаблону — призывала к свержению режима Сталина.

В условиях быстрого роста авторитета Сталина на мощной волне успехов Красной Армии такие призывы были совершенно бесперспективны. Они могли оказать свое воздействие на определенную часть населения Советского Союза только в период тяжелых поражений Красной Армии в начале войны. И тем не менее с настойчивостью, достаточной лучшего применения, немецкая пропаганда призывала к свержению Сталина.

Для этих призывов использовались и возможности немецких маршалонок. Так, 2 июня 1944 г. радиостанция Виши опубликовала обращение «Подпольного союза советских офицеров».

«Солдаты и офицеры Красной Армии! Граждане СССР! — говорилось в обращении. — Продолжение войны неизбежно приведет к катастрофе... Нет никаких надежд на то, что война скоро кончится. Наши союзники, англичане и американцы, хотят, чтобы война между Германией и Россией тянулась как можно дольше, чтобы обе стороны ослабели, а силы англичан и американцев остались нетронутыми».

В данном случае расчет немецкой пропаганды был точным, она фиксировала внимание на проблеме, которая действительно была очень болезненна для советской страны.

Из дальнейшего обращения становилось ясным, какова его главная цель: «Любой ценой надо немедленно положить конец войне. Правительство Сталина не может этого сделать по понятным политическим причинам. Подпольный союз советских офицеров призывает свергнуть сталинскую тиранию и сформировать новое национальное правительство, которое немедленно подпишет договор с Германией».

И в этой передаче звучал тот же призыв к свержению Сталина, но уже с другой, более убедительной аргументацией.

В целом же, выступая с призывами к борьбе против Сталина, ведомство Геббельса работало вхолостую. К кому были обращены эти призывы, на кого они были рассчитаны, имелись ли в Советском Союзе силы, способные к свержению режима Сталина?

На все эти вопросы можно было дать только отрицательный ответ. Все виды оппозиции давно уже были вырваны с корнем. Службы государственной безопасности были многочисленны, хорошо укомплектованы, многоопытны, работали на полные обороты. В этих

условиях призывы к свержению Сталина были голосом вопиющего в пустыне. И тем не менее они регулярно повторялись.

Авторы обращения «Подпольного союза советских офицеров» излагали развернутую программу нового правительства, в которую входили восстановление частной собственности, «ликвидация системы ГПУ» и под пятым пунктом (!) значилось: «Устранение евреев с политических и экономических постов»²¹.

Столь частое муссирование пропагандой стран германского блока еврейского фактора объяснялось пещерным антисемитизмом гитлеровцев.

Надо учитывать и то, что в странах антигитлеровской коалиции, особенно в Соединенных Штатах, еврейское лобби в Конгрессе, в экономике, в финансах, во многих других сферах жизни всегда было очень сильным и влиятельным. И ставка немецкой пропаганды делалась на то, чтобы противопоставить население союзных стран влиятельной еврейской общине, подорвать морально-политическое единство в этих странах, расколоть их общественные силы по национальному признаку.

В пропаганде антисемитизма отчетливо проявлялась расистская сущность нацизма и фашизма. Показательно, что ни в Советском Союзе, ни в других странах антигитлеровской коалиции эта направленность немецкой пропаганды тоже не давала сколь-нибудь заметного результата.

Всем было ясно, что открытие второго фронта будет иметь решающее значение для разгрома Германии. И по мере приближения этого события в Англии и США все более усиливалась борьба между сторонниками и противниками союзнических отношений с СССР.

Эпитетов в этой борьбе не жалели ни те ни другие.

Даже такие умеренные сторонники Советского Союза, как бывший посол США в СССР Д. Дэвис, подвергались самой жесточайшей критике, если не травле. Представитель ВОКСа в США в отчете о работе за 1943 г. отмечал, что «в отношении “Миссии в Москву” (книга Дэвиса. — Р.И.) газеты писали, что Дэвис продался Москве»²².

Тегеранская конференция сыграла огромную роль в сплочении союзников, в решении спорных вопросов, которые их разделяли. Однако никакие встречи, даже на самом высоком уровне, не могли полностью разрешить этих спорных вопросов.

К концу войны, с одной стороны, усилилась координация военно-политической деятельности между СССР и его партнерами по антигитлеровской коалиции. С другой — все более отчетливо проявлялось различие взглядов и интересов союзников в вопросах о том, как поступить с побежденным противником, какую политику

проводить в освобожденных странах, как обеспечить мир и безопасность в новом, послевоенном мире.

Весь этот комплекс противоречий между союзниками находил свое отражение в контактах между общественными организациями союзных стран, в средствах массовой информации, в отношениях между главными лидерами антигитлеровской коалиции — Сталиным, Рузвельтом, Черчиллем.

Однако особый интерес для выявления специфики межсоюзнических отношений имеют, конечно, дипломатические документы. Ценность этого источника определяется тем, что в этих документах отсутствовал пропагандистский элемент. В них давалась достоверная информация, необходимая для того, чтобы проводить взвешенный, практически обоснованный политический курс по отношению к своему партнеру по антигитлеровской коалиции.

Дипломатические источники свидетельствовали о том, что по мере приближения конца войны все более возрастали противоречия между СССР и союзными странами, что не могло не наложить определенного негативного отпечатка и на контакты Сталина с Черчиллем и Рузвельтом.

В меморандуме, подготовленном 2 февраля 1944 г. Чарлзом Боленом, подчеркивалось: «Важнейшая проблема в наших отношениях с Советским Союзом в настоящее время — это советско-польский спор».

В меморандуме отмечалось, что «главная проблема в настоящее время — продолжение контактов между советским и польским правительствами, которые следует рассматривать как отношения между независимыми государствами... дающие возможность соответствующего урегулирования территориального спора, включающего вопрос о восточных границах Польши». Ведущий специалист по советско-американским проблемам следующим образом определял роль и место Соединенных Штатов в конфликте между СССР и Польшей: «Наша главная задача — не допустить перерастания этого конфликта в стадию, которая подвергнет опасности недавно установившееся согласие между Великобританией, Соединенными Штатами и Советским Союзом»²³.

Союзные страны сталкивались с немалыми трудностями при реализации своего политического курса в Польше и в других европейских странах, освобожденных Красной Армией от фашистских оккупантов. О причинах этих трудностей со всей откровенностью говорилось в другом меморандуме, подготовленном Чарлзом Боленом 25 марта 1944 г. В документе отмечалось, что «определяющее настроение народов Европы — четкое нежелание реставрировать политические и социальные порядки, существовавшие

здесь перед войной». Во всех оккупированных немцами странах, писал Болен, развертывалось движение Сопротивления, руководимое коммунистическими партиями. «В настоящий момент, — констатировал Болен, — единственным правительством, которое использует господствующие в этих странах настроения за прогрессивное социальное развитие, является советское правительство, имеющее поддержку коммунистических партий (европейских стран. — *Р.И.*)».

Болен подчеркивал: «Советское правительство изображается как единственное из всех правительств, заинтересованное в содействии социальному прогрессу и демократии». Что же касается США и Великобритании, то мнение Болена было безапелляционным: «Правительства США и Великобритании представляются как поддерживающие реакцию, и не упускается ни одна возможность, чтобы подчеркнуть, что политика этих правительств сводится к восстановлению старой системы специальных привилегий и экономической реакции»²⁴.

Во время личных встреч Большой тройки в Тегеране и в Крыму, в переписке со Сталиным Черчилль и Рузвельт упрекали советского руководителя в том, что он стремится навязать освобожденным Красной Армией странам советские, коммунистические порядки. Аналогична была и позиция консервативной прессы союзных стран. Рассмотренные меморандумы Ч. Болена свидетельствуют о том, что Рузвельт (в не меньшей степени и Черчилль) был прекрасно информирован о том, что в европейских странах развивались мощные социальные процессы левого содержания и ориентации. Сталин мог поддержать развитие этих процессов, что он и делал в меру своих сил и возможностей, но ни в коей мере не способствовать их возникновению.

Польская проблема была настоящим камнем преткновения в отношениях Советского Союза и с Англией, и с США.

На эти отношения тяжелым грузом давил советско-германский пакт 1939 г., секретные протоколы к этому документу. Положение резко обострилось после того, как немецкая пропаганда опубликовала сообщение о том, что перед войной в Катыни органами НКВД без суда и следствия была расстреляна большая группа интернированных в СССР польских офицеров. Советское правительство отрицало свою причастность к факту расстрела поляков и заявило, что это дело рук немецких спецслужб.

Аргументы Кремля не убедили руководителей польского правительства в Лондоне, которые выступили с серией резких заявлений против советского правительства. Дело приняло столь серьезный оборот, что 25 апреля 1943 г. Советский Союз разорвал дипломатические отношения с польским эмигрантским правительством в Лондоне.

Польский вопрос занял важное место в переговорах Сталина с Черчиллем и Рузвельтом в Тегеране.

Премьер-министр вспоминал в мемуарах, что он заявил Сталину в Тегеране, что Англия начала войну из-за Польши и эта страна имеет для англичан большое значение. Черчилль сказал, что необходимо пересмотреть польские границы за счет Германии. «Лично я считаю, — писал Черчилль, — что Польша может продвинуться на запад, подобно солдатам, по команде “два шага влево”. Если Польша при этом наступит кое-где на ногу Германии, то ничего не поделаешь, но сильная Польша необходима. Польша является инструментом, необходимым для европейского оркестра».

В разговоре о судьбе Польши принимал участие Иден. Обращаясь к нему, «Сталин спросил, — писал Черчилль, — не думаем ли мы, что он собирается проглотить Польшу». На вопрос советского руководителя «Иден ответил, что он не знает, сколько Россия собирается съесть, а сколько она оставит непереваренным. Сталин сказал, что русские не хотят ничего, что принадлежит другому народу, хотя они, возможно, откусят что-нибудь у Германии»²⁵.

На Конференции в Тегеране Сталин четко определил позицию Советского Союза по польскому вопросу: «Я должен сказать, что Россия не меньше, а больше других держав заинтересована в хороших отношениях с Польшей, так как Польша является соседом России». Сталин занял очень жесткую позицию в отношении польского эмигрантского правительства: «Мы — за восстановление, за усиление Польши, но мы отделяем Польшу от эмигрантского польского правительства в Лондоне»²⁶.

В Тегеране во время обсуждения вопроса о польских границах участники Конференции договорились взять за основу этих границ так называемую линию Керзона. Лорд Д. Керзон, министр иностранных дел Великобритании в 1919—1924 гг., от имени Антанты в 1919 г. определил восточную границу Польши.

Позднее в переписке со Сталиным Черчилль пересмотрел свое отношение к линии Керзона, что привело к резкому обострению его отношений с советским руководителем.

23 марта 1944 г. Сталин писал Черчиллю, что в одном из его посланий требование СССР признать линию Керзона премьер-министр квалифицировал как политику силы. «Не могу не напомнить, что в Тегеране, — писал Сталин, — Вы, президент и я договорились о правомерности линии Керзона. Позицию Советского Правительства в этом вопросе Вы считали тогда совершенно правильной, а представителей эмигрантского польского правительства Вы называли сумасшедшими, если они откажутся принять линию Керзона. Теперь же Вы отстаиваете нечто прямо противоположное»²⁷.

Черчилль был обескуражен столь резким тоном послания Сталина. 1 апреля 1944 г. он писал Рузвельту: «По мнению военного кабинета, нет особого смысла продолжать личную переписку по данному вопросу в настоящее время, поскольку он (Сталин. — *Р.И.*) решил проявлять недовольство и затевать ссору по всякому поводу»²⁸.

Отказ Черчилля продолжать дебаты со Сталиным по польскому вопросу был вызван, на мой взгляд, не только тем, что премьер-министр исчерпал все аргументы в споре по этой проблеме с советским руководителем.

Противоречия в Большой тройке по польскому вопросу приняли столь резкий характер, что продолжение дискуссии грозило нанести непоправимый ущерб делу антигитлеровской коалиции. Черчилль был прав: надо было взять паузу в дебатах по польской проблеме, так как Сталин занял крайне жесткую позицию, не хотел уступать и премьер-министр Великобритании.

Рузвельт занимал более взвешенную позицию по польскому вопросу. 7 февраля 1944 г. он пытался сдержать, яростное стремление Черчилля пойти на открытый конфликт со Сталиным. «Не существует ли возможности, — писал президент, — что формулировки § 7 и 8 создадут у него (Сталина. — *Р.И.*) впечатление, что Вы неразрывно связаны с нынешними членами польского правительства в изгнании и решительно настаиваете на том, чтобы они были восстановлены в качестве будущего правительства Польши?»

Не без оснований президент считал, что такая позиция Черчилля будет воспринята в Москве как враждебный акт. Рузвельт продолжал: «Он (Сталин. — *Р.И.*) может истолковать это как доказательство замысла с Вашей стороны иметь у границ Советского Союза правительство, которое они, справедливо или ошибочно, считают содержащим элементы, безоговорочно враждебные Советскому Союзу»²⁹.

Черчилль понимал необоснованность своей позиции в споре со Сталиным по польскому вопросу, не желал он и предавать гласности спор, возникший с советским руководителем.

Во всяком случае, выступая 22 февраля 1944 г. в палате общин, он давал уже совершенно иную интерпретацию своей договоренности со Сталиным по польской проблеме.

«Я, — говорил Черчилль, — воспользовался случаем (на Тегеранской конференции. — *Р.И.*), чтобы лично поставить перед Маршалом Сталиным вопрос о будущем Польши. Я указал, что во исполнение нашей гарантии, данной Польше, Великобритания объявила войну нацистской Германии, что наша решимость не ослабела даже в тот период, когда мы были совершенно одни, и что

судьба польской нации занимает первое место в политическом мышлении Правительства Его Величества и британского Парламента»³⁰.

Тот факт, что Англия объявила войну Германии из-за Польши, играл важную роль в определении курса Великобритании в отношении этой страны. Однако не меньшее значение имело и стратегическое расположение Польши между Германией и Советским Союзом. На Московской и Тегеранской конференциях в деталях обсуждалось послевоенное устройство Германии, в ходе которого было очевидно, что войска трех держав примут участие в ее оккупации.

Если бы Англии и США удалось установить в Польше режим, ориентирующийся на эти страны, советские войска были бы отрезаны в Германии от советской территории новым «санитарным кордоном».

В важном стратегическом значении Польши была, на мой взгляд, главная причина того, почему между Сталиным, с одной стороны, Черчиллем и Рузвельтом — с другой шли столь интенсивные дебаты за будущее этой страны.

«Мы с Маршалом Сталиным также согласились, — говорил Черчилль в речи 22 февраля 1944 г., — насчет необходимости для Польши получить компенсацию за счет Германии как на Севере, так и на Западе»³¹.

Против того, что Польше необходимо получить территориальную компенсацию за счет Германии, не возражали ни Черчилль, ни Сталин. Объяснялось это тем, что каждый из них надеялся решить польскую проблему в нужном для себя плане, и усиление Польши за счет Германии не противоречило этим планам. На протяжении всего периода войны после Тегеранской конференции между Сталиным, с одной стороны, Черчиллем и Рузвельтом — с другой шли ожесточенные дебаты по вопросу о составе будущего польского правительства, о границах Польши. По существу речь шла о том, на кого будет ориентироваться новая Польша — на Советский Союз или на Англию и США.

Определяя свое отношение к польской проблеме, Рузвельт не мог не учитывать, что голоса нескольких миллионов американских поляков могли сыграть решающую роль на предстоящих 7 ноября 1944 г. очередных выборах президента США.

Не мог Рузвельт игнорировать и точку зрения Черчилля, который делал ставку на то, чтобы навязать Польше открыто антисоветское эмигрантское правительство, окопавшееся в Лондоне.

В противоречиях Сталина с союзниками по польскому вопросу был определенный пропагандистский элемент. Американцы и англичане высадились в Италии, советские войска начали в 1944 г. ос-

вобождают восточноевропейские страны, оккупированные немцами. И СССР, и его западные союзники были заинтересованы в том, чтобы получить активную поддержку со стороны общественности освобождаемых стран, создать в них режимы, занимающие благоприятную позицию по отношению к стране, войска которой вступили на территорию данного государства.

В период освобождения Польши развернулась тяжелая политическая борьба за широкие народные массы этой страны между эмигрантским правительством, поддерживаемым Англией и США, и Временным правительством Польши, сформированным в Люблине. Это правительство имело всемерную поддержку со стороны Советского Союза.

В начавшейся борьбе активно участвовала советская общественность. В те дни Всеславянский комитет в Москве опубликовал обращение к полякам. В нем говорилось: «Дорогие друзья! Летом 1942 г. гитлеровские армии вели наступление на Сталинград, и советский народ переживал самый тяжелый период Отечественной войны. В это время сформированные на территории Советского Союза дивизии польской армии Андерса, вместо того чтобы вступить в бой, по приказу польского эмиграционного лондонского правительства отказались драться с врагом и ушли в Иран, чтобы отсюда наблюдать, как предполагал Андерс, гибель Красной Армии.

Отказ армии Андерса... облегчил наступление Гитлера и вызвал со стороны Красной Армии лишние жертвы...

Большая часть поляков, бывших тогда на территории Советского Союза, не последовала за Андерсом.

...Они создали Союз польских патриотов, который поставил своей целью организацию борьбы за освобождение своей истекающей кровью Родины.

Организация Союза польских патриотов и Польской Армии нашла огромный отклик в оккупированной многострадальной Польше»³².

На протяжении всего периода участия СССР во Второй мировой войне между Сталиным и союзниками шла упорная борьба за Польшу. Черчилль имел в этой борьбе на своей стороне важного союзника в лице США, которые в целом поддерживали польское эмиграционное правительство в его борьбе за доминирующее влияние в Польше.

На стороне Сталина были серьезные преимущества в борьбе с союзниками за Польшу. Советские вооруженные силы, а не американские или британские, освобождали страну. Сформированные в СССР польские армии придерживались просоветской политичес-

кой ориентации. В Польше было мощное движение Сопротивления немецким оккупантам коммунистической ориентации.

Это признавал даже Черчилль, который писал Рузвельту 28 января 1944 г., что «освобождение Польши от германского ига осуществляется главным образом ценой огромных жертв со стороны русских войск». Черчилль был прав: в кровопролитных боях за Польшу советские вооруженные силы потеряли 600 тыс. человек. Вполне резонно премьер-министр полагал: «Поэтому Россия и ее союзники имеют право требовать, чтобы Польша в значительной степени сообразовалась с их мнением в вопросе о границах территории, которую она будет иметь»³³.

Обоснованная постановка вопроса. Правда, в переписке со Сталиным в высказываниях Черчилля, как будет показано ниже, звучали другие мотивы в отношении будущего Польши, что привело к серьезному обострению его отношений со Сталиным.

У советского руководителя были не только плюсы, но и серьезные минусы в жесткой дискуссии по польскому вопросу, которая развернулась у него с Черчиллем и Рузвельтом после Тегеранской конференции.

Эмигрантское польское правительство, его союзники в Польше, в США и Англии выжимали максимум возможного из того факта, что осенью 1939 г. советские войска вступили в Польшу. В то время не было известно о трагедии в Катыни, о расстреле силами НКВД польских офицеров на советской территории. Однако были преданы гласности факты массовых арестов поляков советскими властями в Западной Украине и Западной Белоруссии, высылки их в отдаленные районы СССР. Все это также входило в пассив советской стороны в борьбе за политическое влияние в Польше.

Все эти факты свидетельствовали о том, что в межсоюзнических отношениях было немало сложных проблем. И это не могло в определенной мере не оказывать отрицательного воздействия на развитие контактов между союзными странами, между Сталиным, Черчиллем и Рузвельтом.

Из истории нельзя вычеркнуть ни Катынь, ни другие факты массовых репрессий советских властей против польского населения. Но в такой же мере нельзя игнорировать и то, что освобождение Польши пришло с Востока, именно советские солдаты и офицеры проливали кровь и жертвовали собой в борьбе за свободу этой страны.

Война внесла серьезные коррективы в общественно-политическую и морально-психологическую жизнь Советского Союза. Перед лицом смертельной угрозы для Родины на ее защиту выступили миллионы тех граждан страны, которые, казалось бы, не имели к

этому побудительных причин, — родные и близкие репрессированных, священнослужители.

В любой крупной войне роль религии очень велика. Это объясняется тем, что война увеличивает роль духовного фактора, а в мобилизации духовного потенциала общества религия всегда имеет приоритетное значение. И не случайно после начала войны многое изменилось в политике советских властных структур в отношении Церкви. Эти изменения были направлены в своей основе на то, чтобы мобилизовать усилия Церкви, верующих на борьбу с захватчиками. Во многом это удалось. Церковь в войну сыграла свою важную положительную роль в том, чтобы подчинить духовную жизнь общества выполнению главной задачи — разгромить захватчиков.

В сентябре 1943 г. произошло крупное событие в жизни православной церкви — возобновление деятельности Священного синода и избрание патриарха.

Просоветски настроенные круги в союзных странах позитивно восприняли эти события, рассматривая их как свидетельство демократизации жизни в СССР.

Антисоветская часть политического спектра союзных стран отреагировала на них только как на политический трюк руководства страны и в первую очередь лично Сталина.

Газета «Новый шлях», издававшаяся в Канаде, 18 сентября 1943 г. опубликовала передовую статью — «Очередной небольшевистский шаг большевистского режима».

В статье говорилось, что на прошлой неделе в Советах произошло важное и интересное событие. Советское правительство согласилось возобновить Священный синод Русской православной церкви и решило избрать патриарха этой церкви. «Глава правительства товарищ Иосиф Виссарионович Сталин, как говорится в официальном сообщении, положительно отнесся к этому решению и заявил, что правительство не будет чинить никаких препятствий в этом отношении. Перед этим Сталин имел совещание в Кремле с Молотовым и тремя митрополитами — Московским, Ленинградским и Киевским. Сталин даже выделил бывшую резиденцию немецкого посла для проведения конференции, на которой Московский митрополит Сергей избран “всероссийским” патриархом».

Все это, говорилось в статье, напоминает сказку о «Тысячи и одной ночи»... Однако это не сказка, а действительность. Некоторые уже и поверили, что советские большевистские руководители возвращаются к христианству и что Сталин уверует... Но в это верит только тот, кто не знает или поверхностно и по отрывкам знаком с той беспощадной борьбой, которую вел большевистский ре-

жим против церкви и ее верующих в Советах». В действительности, подчеркивала газета, теперешняя терпимость советского правительства к церкви — это временное, военное явление, вынужденное отступление советской большевистской власти.

В газете подчеркивалось, что «многолетние гонения на религию в СССР дали прямо противоположный результат по сравнению с тем, на что надеялись советские руководители и в первую очередь Сталин. Преследование углубляло религиозность народа, делало ее более сильной. В 1928 г. тогдашний комиссар образования Анатолий Луначарский вынужден был заявить: «Религия похожа на гвоздь. Чем сильнее его бей, тем глубже он лезет в дерево». И этот гвоздь так глубоко залез в лоб большевистского режима, что теперь Сталин должен его вытягивать»³⁴.

Канадская пропагандистская, как ее характеризовало посольство СССР в Канаде, газета «Ле Девуар» сообщила 7 октября 1943 г.: «Недавно в прессе подняли большой шум и развернули большую пропаганду в связи с тем, что Сталин разрешил патриарху русской церкви снова вступить на трон. Кремль не только дал разрешение, но и ободрял патриарха. Кремль даже принял участие в церемонии: полиция охраняла порядок».

Пусть, отмечала газета, открытое религиозное преследование прекращено в России, и этому следует радоваться, но нельзя наивно приписывать этому факту большее значение, чем он имеет или может иметь; церковь, находящаяся под покровительством Сталина, имеет большие шансы быть пародией церкви, ведущей к созданию пародии культа и пародии на религию³⁵.

В зарубежных странах, как в союзных с СССР, так и в государствах германского блока, внимательно следили за деятельностью Сталина, связанной с пропагандистским обеспечением войны.

21 февраля 1944 г. радио Рима в передаче на итальянском языке, посвященной Илье Эренбургу, рассказав биографию известного советского писателя и публициста, заявляло: «Ныне Илья Эренбург принадлежит к самым близким соратникам красного царя. Иностранные дипломаты, аккредитованные при советском правительстве, утверждают, что Эренбург входит в число очень немногих лиц, которым Сталин предоставляет свободный доступ в свой рабочий кабинет.

Эренбург пользуется особым доверием ГПУ и участвует в руководящей пропагандистской работе и шпионаже на континенте»³⁶.

Советские дипломатические представительства в союзных и дружественных СССР странах внимательно следили за всеми проявлениями позитивного расположения в этих странах к Сталину.

Многочисленная и богатая армянская диаспора в США проводила большую работу в поддержку Советского Союза. Ее руководители неоднократно обращались лично к Сталину, высоко оценивали его вклад в руководство борьбой советского народа, Красной Армии против фашистской Германии.

21 апреля 1944 г. заведующий отделом американских стран НКВД Царапкин писал руководителю ВОКС В. Кеменову, что по сообщению советского генконсула в Нью-Йорке Киселева, там 2 апреля состоялось торжественное собрание Армянской прогрессивной лиги с участием либеральных делегатов от социал-демократов. «На собрании был вручен художественный пергамент с 10 тысячами подписей для т. Сталина. Генконсул информирует, что сейчас в США на базе оказания помощи Советскому Союзу и Советской Армении успешно проходит процесс объединения всех прогрессивно и либерально настроенных армян»³⁷.

В январе 1944 г. исполнилось 220 лет со дня создания Петром I Российской академии наук. Эта дата торжественно отмечалась в Москве. Поздравления Академии наук СССР прислали ученые не только союзных, но и многих других стран.

Из Ирана на имя Президента Академии наук СССР академика В.Л. Камарова пришло поздравление иранских ученых.

Нашим искренним желанием, говорилось в поздравлении, является продолжение и углубление культурной связи с народами Советского Союза, и мы никогда не свернем с верного пути дальнейшего сближения детей Авиценны, Фирдоуси, Рази, Саади, Омара Хайяма с детьми Ломоносова, Пушкина, Толстого, Менделеева, Мечникова и Павлова.

Отметив большой вклад Академии в развитие мировой науки, иранские ученые подчеркнули, что Академия наук «после Великой Октябрьской Социалистической революции под руководством двух корифеев науки, гениальных вождей человечества Ленина и Сталина налилась новыми соками и превратилась в могучий центр мировой науки и цивилизации»³⁸.

На общественное мнение зарубежных стран негативное впечатление производила закрытость советского общества. На это обращали внимание многие представители зарубежных общественных организаций, сотрудничавших с нашей страной.

12 января 1944 г. заведующий отделом американских стран НКВД П.И. Зарубин сообщал заместителю наркома В. Деканозову, что в конце декабря 1943 г. в Москву прибыл представитель «Рашэн Уор Релиф» Лео Грильоу.

В беседах с сотрудниками ВОКСа Грильоу сказал, что в Советском Союзе ничего не сообщается о личной жизни советских руко-

водителей, членов их семей. Во время одной из бесед Грильоу заявил, что все «в Америке знают, что делает каждый член семьи Рузвельта, как служат его сыновья в армии». Участник беседы референт американского отдела ВОКСа И. Шарманова заметила, что «у нас служба в армии считается долгом советского гражданина, это всем понятно, и нет ничего удивительного, что сыновья Сталина служат в армии». В ответ американский гость возразил: «Да, но это у вас не рекламируется, об этом мало кто знает»³⁹.

В ходе контактов руководителей советских общественных организаций с их коллегами из зарубежных стран нередко поднимались и обсуждались самые неожиданные вопросы.

Например, 17 октября 1943 г. в ВОКСе был прием в честь руководителя РУР в США Э. Картера.

В ходе этого приема Картер заявил: «Говоря между нами, я предпочитаю, чтобы Сталин занимался переустройством Европы, а не Рузвельт и Черчилль».

Еще не был открыт второй фронт, и заявление о будущем переустройстве Европы прозвучало довольно неожиданно, во всяком случае, оно было явно преждевременно. И естественно, что руководитель ВОКСа В. Кеменов имел все основания ответить Картеру, что еще рано делить шкуру неубитого медведя⁴⁰.

В союзных и дружественных странах среди тех, кто симпатизировал Советскому Союзу, был широкий круг политических симпатий и антипатий. Ориентироваться в этом многообразном политическом спектре было довольно сложно, особенно для тех советских людей, которые не имели прямого отношения к политике.

Например, Пьер Кот, бывший министр авиационной промышленности Франции, был настроен открыто просоветски. Что же касается французских политических сил, то он относился резко негативно к генералу де Голлю.

7 апреля 1944 г. в Москве Коту была организована встреча с летчиками Героями Советского Союза. Встреча проходила в теплой, непринужденной обстановке, которая была нарушена только один раз. Подполковник Штепенко неожиданно поднял тост за генерала де Голля. Услышав имя де Голля, Кот нахмурился... заметно изменился в лице, изобразил на нем недоумение и недовольство и, едва приподнявшись со стула, пригубил рюмку. И тут же, поднявшись во весь рост, сказал: «Лучше давайте выпьем за здоровье Маршала Сталина», добавив через несколько минут, что этот тост за маршала Сталина и за успехи Красной Армии означает тост за скорейшее освобождение Франции.

Французский гость не стеснялся высказывать советским хозяевам свои политические симпатии и антипатии. Так, например, во

время одной из бесед он отметил, что в Италии Советский Союз уже поддерживает Бадальо и что не исключена возможность, что следующим будет генерал Петен.

Во время другой беседы сотрудник ВОКСа заметил, что «у нас нет захватнических, империалистических целей войны... что во многих речах товарища Сталина есть указания на то, что мы боремся за уничтожение германской армии, гитлеровского государства и его “нового порядка”, а не немецкого народа. “Да, но, кажется, в последних выступлениях Сталина эта мысль уже не акцентируется? — заметил Кот”»⁴¹.

Во время посещения в июне 1944 г. Армении и Грузии Пьер Кот неоднократно произносил тосты в честь советского народа. Красной Армии, спасшей человечество от угрозы гитлеровской тирании, несущей на своих плечах около трех лет основную тяжесть войны. Несколько раз Пьер Кот поднимал тост за здоровье руководителей Красной Армии и советского народа — «Маршала Сталина, лучшего представителя человечества, открывшего ему новое будущее и ведущего его к новой цивилизации»⁴².

31 июля 1944 г. Пьер Кот направил на имя Деканозова телеграмму: «Что касается моего пребывания в Москве, то я хочу, господин Комиссар, сказать Вам, насколько я оценил тот прием, который мне был оказан в столице Союза. Я смог в течение этих четырех месяцев констатировать величие задачи, выполненной народами Советского Союза под руководством их Великого вождя Сталина, как в отношении обеспечения замечательных побед славной Красной Армии, так и в деле уже начавшегося восстановления освобожденных советских территорий»⁴³.

В выступлениях консервативной прессы союзных стран, в заявлениях антисоветски настроенных деятелей нередко звучали заявления, направленные против СССР и лично Сталина.

Однако в публичных выступлениях государственных и политических руководителей в канун открытия второго фронта, как правило, раздавались сугубо позитивные оценки вклада Советского Союза в общую борьбу с Германией, роли Сталина как руководителя этой борьбы.

18 января 1944 г. ТАСС сообщал из Вашингтона, что председатель управления по делам военного производства Нельсон заявил: «То, что я видел и слышал в России, убедило меня, что руководители и народ этой великой страны стремятся сотрудничать с нами. Они знают, что только сотрудничество всех стран и длительный мир могут привести к быстрому внутреннему развитию России, которое больше всего их интересует. Так же как мы и Англия, русские не

нуждаются в дополнительной территории. То, в чем они и мы нуждаемся, это — повышение жизненного уровня. Они не являются конкурентами в борьбе за мировые рынки. Они интересуются прежде всего русским рынком и обменом товаров, который может содействовать развитию этого рынка. В беседе со Сталиным, Молотовым и другими членами советского правительства я увидел суровый реализм, прямоту, в которой чувствуется уважение к себе. Все это убедило меня в том, что мы можем вести дела с Россией с пользой для нас самих, для русских и в интересах прочного всеобщего мира»⁴⁴.

26-я годовщина Красной Армии, отмечаемая 23 февраля 1944 г., проходила под знаком успешного наступления советских вооруженных сил. И естественно, что эта дата дала возможность нашим союзникам еще раз отметить большой вклад Красной Армии и ее Главнокомандующего в общее дело победы.

23 февраля 1944 г. ТАСС сообщал из Вашингтона, что, поздравляя советских военнослужащих с этой датой, морской министр США Нокс сказал: героические подвиги Красной Армии «будут служить источником вдохновения для их товарищей по оружию из Объединенных Наций, когда они вместе двинутся вперед к окончательному завершению борьбы против нацистов и к окончательной победе».

Бывший посол США в СССР Джозеф Девис в своем приветствии Красной Армии говорил: «США вместе со всем свободолобивым миром приветствуют непревзойденное мужество, патриотизм и величие Красной Армии. Привет вашему великому маршалу Сталину. Привет его советникам. Привет боевым офицерам и великим солдатам, которые изгоняют гитлеровских гуннов со своей земли. Да здравствует Красная Армия! Да здравствует историческая дружба между США и СССР!»⁴⁵

В союзных странах оживленно комментировали Приказ Верховного Главнокомандующего Вооруженных Сил СССР маршала Сталина в связи с 26-й годовщиной Красной Армии.

Приказ был зачитан по многочисленным радиостанциям США, напечатан на видных местах в газетах. «Нью-Йорк геральд трибюн» опубликовала приказ под заголовком: «Нацисты лишились 75 процентов своих завоеваний». Заголовок «Нью-Йорк таймс» гласил: «Сталин предвидит поражение противника, 75 процентов оккупированной территории освобождено. Положение нацистов является безнадежным»⁴⁶.

Столь же высокую оценку Красной Армии и ее Главнокомандующему давали в Англии. Министр авиации Арчибалд Синклер выступил с речью в Эдинбурге по случаю 26-й годовщины Красной Армии. Министр сказал: «Мы пользуемся этим днем 26-й годовщи-

ны Красной Армии, чтобы приветствовать солдат доблестной, непобедимой армии, героических рабочих и крестьян России, руководимой их великим вождем маршалом Сталиным. Решительный и непоколебимый в моменты неудачи, спокойный и вдохновляющий в победе, Сталин явился воплощением духа русского народа»⁴⁷.

Министр выразил уверенность, что «взаимное уважение и понимание, существующие между Черчиллем и Сталиным, сулят надежды для будущего человечества»⁴⁸.

Зачастую приветствия Красной Армии и ее Главнокомандующему в Англии звучали на очень высокой эмоциональной ноте. Так канцлер герцогства Ланкастерского Эрнест Браун 23 февраля 1944 г., выступив в Кардиффе по случаю 26-й годовщины Красной Армии, сказал: «Мы разворачиваем свиток истории. Он содержит сообщения о подвигах, граничащих с чудесами. Как они были совершены? Как сумела Красная Армия выдержать колоссальное наступление на различных фронтах протяжением свыше 1000 миль в течение полутора лет? Мы воздали должное простому народу с оружием в руках. Теперь мы должны отметить также стратегическое и тактическое искусство командиров Красной Армии».

Оратор исключительно высоко оценивал роль Сталина как руководителя СССР и Красной Армии: «Будем приветствовать также великого национального руководителя маршала Сталина и скажем его словами: “Да здравствует англо-советско-американский боевой союз! Да здравствует Красная Армия! Смерть немецким захватчикам!”»⁴⁹

Приближалась высадка союзников во Франции, что накладывало свой отпечаток и на форму, и на содержание оценок мировой политической ситуации в союзных странах.

ТАСС сообщал 29 февраля 1944 г. из Нью-Йорка, что «Нью-Йорк геральд трибюн» в передовой статье, подробно рассказав о последних успехах советских вооруженных сил, заявляла: «Но эти успехи Красной Армии почти наверняка достигнуты не всеми ее силами. Сталин, конечно, сохраняет резервы для подходящего момента и он знает, когда этот момент наступит. Вряд ли он станет вести войну в одиночестве, когда приближается возможность нанести двойной удар. Способность Красной Армии вести тяжелые бои и добиваться крупных успехов ограниченными силами представляет собой новый важный эпизод в истории этого замечательного, но мало известного войска».

В статье подчеркивалось, что Красная Армия разрешает новые проблемы при помощи новых методов в гораздо большей степени, чем в начале войны, и, вероятно, в большей степени, чем английские и американские армии — до сих пор. Американцы, не проходившие такой страшной школы, могут многому учиться у Красной Армии⁵⁰.

Контуры второго фронта уже четко просматривались на военно-политическом горизонте Второй мировой войны. Это чувствовалось по всем показателям, в том числе и по публикациям в прессе. «Год решения» — так, например, называлась редакционная статья, опубликованная в «Канзас-Сити стар». В ней, в который уже раз, говорилось о необходимости открытия второго фронта. «Стало очевидным, — отмечалось в статье, — что только ударами с воздуха Германию не завоюешь. Уничтожение заводов, коммуникаций и городов дает большой эффект. Это сократило промышленное производство (Германии. — *Р.И.*) на 25—30% и в такой же пропорции ослабило ее оборону». Однако полное поражение Германии газета связывала только с открытием второго фронта⁵¹.

Иной точки зрения придерживался Черчилль. Премьер-министр писал в мемуарах: «Бомбардировочная авиация играла все более и более важную роль во всех наших военных планах и в конечном счете внесла решающий вклад в дело победы»⁵².

Уверенность в скором открытии второго фронта была повсеместна. С начала 1944 г. в газетах и журналах союзных стран все чаще появлялись статьи, в которых говорилось о конкретных задачах второго фронта, о соотношении сил между союзниками и вермахтом, о перспективах войны.

Макс Вернер писал, что западным союзникам для выигрыша кампании в Европе необходимо разгромить от 10 до 15 немецких дивизий, продвинуться на важнейших направлениях приблизительно на 100 миль от места высадки. Общее число немецких дивизий в Западной Европе определялось в 40—50. По подсчетам М. Вернера, это составляло менее 1/6 всех немецких дивизий.

В другой статье тот же автор определял и сроки победы: «Антигитлеровская коалиция достигла уже уровня превосходства в силах, достаточного для победы в 1944 г.»⁵³.

6 июня 1944 г. наконец свершилось то, чего ждали три долгих года народы по обе стороны Атлантики, — союзники высадились в Северной Франции.

По случайному совпадению операция началась в шесть часов утра, шестого числа, в шестой месяц года. Многие солдаты суеверны. Одни военнослужащие считали это хорошим предзнаменованием, другие — плохим, но, во всяком случае, успех операции превзошел все ожидания. Погода была отнюдь не благоприятной, но она в целом не создала сколь-нибудь серьезных трудностей при десантировании. Более того, штормовая погода дезориентировала противника, который не ожидал, что в таких условиях англо-американцы решатся на высадку. Элемент внезапности был достигнут

полностью. Сыграло свою положительную для союзников роль и то, что новый немецкий командующий группой войск герой боев в Африке генерал Роммель выехал в Германию отпраздновать день рождения жены. Отсутствие немецкого командующего также внесло определенную дезорганизацию в оборону немцев.

Широко разрекламированный Геббельсом Атлантический вал во многом оказался пропагандистским мифом. Союзные войска, успешно высадившись в Нормандии, стали быстро расширять плацдарм.

После высадки в Нормандии Сталин поздравил союзников. 13 июня 1944 г. в ответах на вопросы корреспондента «Правды» советский руководитель дал развернутую характеристику этой операции англо-американских войск. Сталин подчеркнул, что ни «непобедимый» Наполеон, ни «истерик Гитлер» не смогли реализовать своих планов форсирования Ла-Манша. «Только британским и американским войскам, — подчеркивал Сталин, — удалось с честью осуществить грандиозный план форсирования Ла-Манша и массовой высадки десантных войск.

История отметит это дело как достижение высшего порядка»⁵⁴.

Открытие второго фронта явилось важнейшим военно-политическим событием мировой войны.

Начался качественно новый этап в борьбе союзников против общего врага. Это событие наложило и свой рельефный отпечаток на отношения Сталина с лидерами союзников, в первую очередь — с Рузвельтом и Черчиллем.